

ПЕНОЧКА-ТАЛОВКА *PHYLLOSCOPUS BOREALIS* (BLASIUS, 1858)  
НА ХИНГАНО-БУРЕЙНСКОМ НАГОРЬЕ

М.Ф. Бисеров

[Biserov M.F. Arctic warbler *Phylloscopus borealis* (Blasius, 1858) at the Khingan-Bureya upland]

Государственный природный заповедник «Буреинский». Ул. Зеленая, 3, пос. Чегдомын, Хабаровский край, 682030, Россия.

E-mail: marat-biserov@mail.ru

State Nature Reserve "Bureinskii". Zelenaya str., 3, s. Chegdomyn, Khabarovskii krai, 682030, Russia. E-mail: marat-biserov@mail.ru

**Ключевые слова:** пеночка-таловка, *Phylloscopus borealis*, Хингано-Буреинское нагорье

**Key words:** Arctic warbler, *Phylloscopus borealis*, Khingan-Bureya upland

**Резюме.** Пеночка-таловка на востоке и северо-востоке Сибири гнездится в лесном поясе и высокогорьях. На Дальнем Востоке она гнездится в лесном поясе, но не населяет субвысокогорья. В то же время распространение таловки и в лесах Дальнего Востока неравномерно. На Хингано-Буреинском нагорье таловки в течение 1996-2000 гг. в гнездовой период не отлавливались, несмотря на ежедневный стационарный отлов птиц в период с мая по сентябрь. По голосу и визуально летом они также не фиксировались. В послегнездовой период таловки на различных уровнях высот лесного пояса отлавливались только в августе и сентябре. Предполагается, что в Хингано-Буреинском нагорье таловка может населять в основном темнохвойные леса. Лиственничные леса, по-видимому, она избегает. Сделан вывод о том, что таловки, отмечаемые в западной части нагорья в конце мая – начале июля, скорее всего, являются пролетными особями.

**Summary.** The Arctic warbler nests in the forest zone and in the highlands in the east and north-east of Siberia. At the Far East it nests in the forest zone, but does not inhabit the sub-highlands. At the same time the distribution of Arctic warbler in the Far East forests is irregular. At the Khingan-Bureya upland during 1996-2000, within the nesting period the birds were not caught, despite the daily catching. They also were not recorded in the summer period by voice or visually. The Arctic warblers were detected only in August and September, during the post-nesting period at different height levels of the forest zone in the western part of the upland. It is assumed that at Khingan-Bureya highlands the Arctic warbler inhabits mostly dark coniferous forests, avoiding the larch forests. The conclusion is that Arctic warblers recorded in the western highlands during late May – early July, most likely are migrating individuals.

Пеночка-таловка – обычный вид лесного и подгольцового поясов гор Восточной и Северо-Восточной Сибири [Воробьев, 1963; Кречмар, Кондратьев, 1996 и др.]. На Дальнем Востоке таловка, встречаясь в лесном поясе, никем не указывается в качестве гнездящегося вида подгольцового пояса [Назаренко, 1971, 1979; Нечаев, 1991; Воронов, 2000]. Предполагается, что на северо-востоке Евразии она населяет пояс кедрового и ольхового стланика лишь в районах, находящихся под влиянием континентального климата, а одной из основных причин отсутствия таловки, как и ряда других видов птиц, в высокогорьях юга Дальнего Востока является муссонный климат [Бисеров, 2007; 2008а, б; 2009].

Вместе с тем таловка и в лесах Дальнего Востока распространена крайне неравномерно. В.Г. Бабенко [2000] указывает, что этот вид в Нижнем Приамурье обычен на гнездовании в его северной части и редок в южной. Для южной оконечности Буреинского хребта (заповедник «Бастак»), где таловка – обычный пролетный вид, гнездование ее лишь предполагается [Аверин, 2007]. На хребте Большой Хехцир таловка приводится в качестве пролетного вида [Иванов, 1993]. Южнее, на восточных склонах хребта Сихотэ-Алинь в районе Лазовского заповедника таловка – редкий пролетный вид [Лаптев, Медведев, 1995]. В средней и южной части Сихотэ-Алиня таловка – малочисленный вид елово-пихтовой тайги, еловых с каменной березой и кедровым стлаником редколесий у верхней границы леса, где она распространена локально и не встречается в других типах леса [Назаренко, 1971; 1979; 1984].

В связи с этим интересно распространение таловки в районах, расположенных на границе климатических

областей. Одним из них является Хингано-Буреинское нагорье. В северо-восточной части этого нагорья в бассейнах рек Баджал и Сулук в июне и в начале июля таловка не отмечалась в составе населения птиц различных типов леса [Федотов, Брунов, 1977; Брунов и др., 1988]. На юго-восточной окраине нагорья (р. Горин) на гнездовании она редка [Колбин и др., 1994]. В юго-западной части нагорья на пролете таловка многочисленна с последней декады мая до конца первой декады июня, а осенью – с конца августа по первую декаду сентября [Винтер, 1979]. По Б.А. Воронову [2000], таловка – фоновый вид смешанных, пихтово-еловых и березово-лиственничных лесов восточных районов нагорья, примыкающих к зоне БАМ. В то же время для населения птиц лиственничных лесов, наиболее широко распространенных в нагорье, в особенности в его западной части, таловка данным автором не указывается. Следует также иметь в виду, что сведения о населении птиц в упомянутой работе относятся в основном к послегнездовому периоду. Как и на Сихотэ-Алине, таловка, видимо, избегает чистых лиственничных лесов.

Нами в центральной части Хингано-Буреинского нагорья (окрестности пос. Чегдомын) в 2000 и 2008-2010 гг. велись наблюдения за весенним пролетом птиц. Было установлено, что появление таловки чаще всего происходит стремительно. В 2008 и 2009 гг. первое появление таловок, причем сразу большого количества, отмечалось 23 мая. Плотность населения вида в последней декаде мая составляла в 2008 г. 365 особей/км<sup>2</sup>, а в 2009 г. – 162 особей/км<sup>2</sup> [Бисеров, 2003; 2008в; собственные неопубликованные данные за 2009 и 2010 гг.]. В 2008 г. во всех высотных поясах южных

склонов хребта Эзоп (водораздел верховьев рек Селемджа - Правая Бурея), по лесам долины р. Правая Бурея от 900 м и выше в последней декаде июня – начале июля таловки не отмечались.

В 2009 г. в подгольцовом поясе хр. Дуссе-Алинь эта пеночка не была отмечена, но в долинных смешанных лесах Правой Буреи вплоть до верхней границы леса, где местами распространены заросли ольхового стланика, судя по количеству поющих особей, до 5 июня она являлась фоновым видом. В то же время в стланиковом поясе (с примесью ольхи) пение таловок в эти сроки не регистрировалось. Видимо, все встреченные птицы были пролетными. Следует отметить, что у северной границы ареала вида, на плато Путорана, прилет таловок затягивается до середины июня [Романов, 2004].

В 2010 г. первое появление таловок в центральной части нагорья у пос. Чегдомын было зафиксировано 25 мая. Пролет был менее заметным, чем в предыдущие 2 года, а наибольшее количество особей было отмечено в последний день наблюдений – 30 мая (в целом плотность населения таловок в последней пятидневке мая составляла лишь 76 особей/км<sup>2</sup> и была значительно ниже, чем в этот же период 2008-2009 гг.). Интересно, что и на юге Приморья (Приханкайская низменность) массовый пролет таловки также проходит примерно в эти же сроки – с 25 мая по 3 июня [Глушенко и др., 2006].

В 2010 г. в долине р. Правая Бурея в лесном поясе гор на высоте от 800 до 1000 м в период 26-28 июня таловка, судя по пению, была фоновым видом. Очевидно, отмеченные в этот период таловки были пролетными, т.к. при посещении этого же места 10 дней спустя (8 и 9 июля) поющие особи встречались единично. Это свидетельствует о более поздних сроках весеннего пролета таловки в 2010 г. В июне 2000 г. при обследовании этого же района таловки по голосам не отмечались. В 2008 и 2009 гг. на хребтах Эзоп и Дуссе-Алинь, где ольха в зарослях кедрового стланика встречается сравнительно редко, таловка летом не регистрировалась. Интересно, что в первых числах июля 2010 г. в поясе кедрового стланика с примесью ольхи были слышны отдельные голоса таловок. Скорее всего, особи, отмеченные в этот год, также являлись позднепролетными.

На протяжении 1996-2000 гг. с конца мая по первую декаду октября в различных частях Буреинского хребта в пределах лесного пояса проводились отловы птиц стационарными паутинными сетями (их общая протяженность – до 100 м). Для разных уровней абсолютных высот получены следующие данные по таловке:

1000 м. Пойменные лиственничные и смешанные леса верховьев р. Ниман; 1998 г. С 10 августа по 25 сентября было отловлено 9 молодых (с 10 по 27 августа) и 1 взрослая особь (25 сентября).

550 м. Пойменные лиственничные и смешанные леса в устье р.р. Левая и Правая Бурея, 1996 г. Отлавливались с 11 по 26 сентября, при этом все 5 птиц были молодыми особями.

550 м. Пойменные лиственничные и смешанные леса в устье рек Левая и Правая Бурея, 1997 г. Все 6 особей (2 взрослые и 4 молодые птицы) были отловлены в период с 23 августа по 20 сентября.

300 м. Вторичные смешанные леса в долине р. Ду-

бликан, 1999 г. За весь летне-осенний период была отловлена лишь одна молодая особь (8 сентября).

250 м. Хвойно-широколиственные леса на южных склонах Буреинского хребта (заповедник «Бастак»), 2000 г. Одна молодая особь была отловлена 27 августа и 9 молодых птиц – в период с 9 по 11 сентября.

Состояние оперения всех отловленных молодых птиц (полностью сформированный юношеский наряд и заросшие аптерии) соответствовало более чем 30-дневному возрасту, в связи с чем их можно считать приступившими к послегнездовым кочевкам или уже начавшими осеннюю миграцию. Во всех вышеперечисленных районах нагорья таловки в гнездовой период нами не отмечались ни визуально, ни по голосу, в том числе и во время проведения маршрутных учетов численности птиц. Данные факты позволяют считать таловку лишь пролетным видом лиственничных лесов районов нагорья, расположенных западнее Буреинского водораздела.

Косвенным подтверждением того, что все отловленные экземпляры являются пролетными или кочующими птицами из северных популяций, является отсутствие линьки у всех осмотренных молодых птиц. Установлено, что у данного вида отсутствует постювенальная линька в северных и, по-видимому, центральных частях ареала. Так молодые птицы не линяют на северо-западе России [Лапшин, 1990], на Северном Урале [Рыжановский, 1997]. В то же время на Сахалине у данного вида отмечена частичная постювенальная линька [Нечаев, 1991]. Учитывая, что места сбора материала на Сахалине находятся приблизительно на одной широте с верховьями Буреи, в случае гнездования вида на Верхней Буреи можно было бы ожидать наличие у птиц линьки, чего не наблюдалось.

Судя по отловам птиц в верхней части лесного пояса (1000 м над ур. м.), с конца первой декады августа сюда начинают проникать таловки, уже начавшие кочевки. В то же время встречи таловок в средней и нижней частях лесного пояса в основном в сентябре можно объяснить пролетом северных популяций.

Таким образом, таловка на северо-востоке Евразии населяет пояс кедрового и ольхового стланика лишь в районах, находящихся под влиянием континентального климата, а одной из основных причин ее отсутствия (как и ряда других видов птиц) в высокогорьях юга Дальнего Востока предположительно является муссонный климат. Поскольку весной таловка на Хингано-Буреинском нагорье появляется очень поздно, сроки ее гнездования в подгольцовом поясе часто совпадают с периодом муссонов, неблагоприятным для гнездования птиц, адаптированных к условиям более сухого континентального климата. Воздействие климатического фактора в течение многих тысячелетий должно было способствовать выбыванию этого вида из состава высокогорной фауны региона. Кроме того, установлено, что муссонный климат служит одной из причин отсутствия ольхового стланика в горах Приохотья [Шлотгауэр, 1990].

В лесном поясе Хингано-Буреинского нагорья таловки, видимо, не населяют лиственничные леса, но, возможно, гнездятся у верхней границы леса, а в вос-

точной части нагорья населяют елово-пихтовые леса, появляясь в лиственничниках лишь в послегнездовой период. Наиболее вероятно, что таловки, встреченные нами в течение июня и начала июля в среднегорьях западной части нагорья, являются пролетными. В западной части нагорья, возможно, также гнездятся в смешанных и березово-лиственничных лесах, которые там более всего распространены в нижнем поясе гор и на Верхнебуреинской равнине. Вероятно, популяция, населяющая нагорье, отлетает к местам зимовок верхней частью лесного пояса, а птицы, встреченные осенью в средней части лесного пояса – пролетные представители северных популяций вида. По-видимому, только так можно объяснить ежегодно наблюдаемое отсутствие таловок в отловах в средней и нижней части лесного пояса центральных районов Хингано-Буреинского нагорья в августе.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Аверин А.А., 2007. Птицы // Позвоночные животные государственного природного заповедника «Бастак». Аннотированный список видов. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН. С. 24-56.
- Бабенко В.Г., 2000. Птицы Нижнего Приамурья. М.: Прометей. 724 с.
- Бисеров М.Ф., 2003. Птицы Буреинского заповедника и прилегающих районов Хингано-Буреинского нагорья // Труды заповедника «Буреинский». Вып. 2. Хабаровск: ИВЭП ДВО РАН. С. 56-83.
- Бисеров М.Ф., 2007. Структура авифауны Хингано-Буреинского нагорья // Труды заповедника «Буреинский». Вып. 3. Хабаровск: ИВЭП ДВО РАН. С. 29-46.
- Бисеров М.Ф., 2008а. К вопросу о причинах обедненности авифауны высокогорий юга Дальнего Востока // Биоразнообразии, проблемы экологии Горного Алтая и сопредельных регионов: настоящее, прошлое, будущее / Материалы Международной конференции. Горно-Алтайск. С. 37-42.
- Бисеров М.Ф., 2008б. Геоморфологические особенности – один из факторов, определяющих обедненность фауны и населения птиц высокогорий юга Дальнего Востока // Труды заповедника «Буреинский». Вып. 4. Хабаровск: ИВЭП ДВО РАН. С. 82-87.
- Бисеров М.Ф., 2008в. Особенности весенней миграции птиц в центральной части Хингано-Буреинского нагорья в зависимости от метеоусловий года // Труды заповедника «Буреинский». Вып. 4. Хабаровск: ИВЭП ДВО РАН. С. 87-102.
- Бисеров М.Ф., 2009. Роль различных экологических факторов в отсутствии некоторых видов воробьинообразных и ржанкообразных птиц в высокогорьях юга Дальнего Востока // Тезисы Всероссийской конференции: «Чтения памяти академика К.В.Симакова». Магадан. С. 219-220.
- Брунов В.В., Бабенко В.Г., Азаров Н.И., 1988. Население и фауна птиц Нижнего Приамурья // Птицы осваиваемых территорий. Сб. трудов ЗМ МГУ. М. Т. 26. С. 78-110.
- Винтер С.В., 1979. Славковые (Sylviidae) Буреинско-Хинганской низменности // Миграции и экология птиц Сибири. Тезисы докладов орнитологической конференции. Якутск. С. 73-75.
- Воробьев К.А., 1963. Птицы Якутии. М.: Наука. 336 с.
- Воронов Б.А., 2000. Птицы в регионах нового освоения (на примере Северного Приамурья). Владивосток: Дальнаука. 169 с.
- Глущенко Ю.Н., Шибнев Ю.Б., Волковская-Курдюкова Е.А., 2006. Птицы // Позвоночные животные заповедника «Ханкайский» и Приханкайской низменности. Владивосток: ООО РИЦ «Идея». С. 77-234.
- Иванов С.В., 1993. Птицы // Позвоночные животные Большехехирского заповедника. Флора и фауна заповедников. М.: Наука. Вып. 53. С. 16-45.
- Колбин В.А., Бабенко В.Г., Бачурин Г.Н., 1994. Птицы // Позвоночные животные Комсомольского заповедника. Флора и фауна заповедников. М.: Наука. Вып. 57. С.13-41.
- Кречмар А.В., Кондратьев А.Я., 1996. Птицы // Позвоночные животные Северо-Востока России. - Владивосток: Дальнаука. С. 66-218.
- Лаптев А.А., Медведев В.Н., 1995. Птицы // Кадастр наземных позвоночных животных Лазовского заповедника. Владивосток: Дальнаука. С. 10-42.
- Лапшин В.Н., 1990. Линька птиц Северо-Запада СССР. Под редакцией Рымкевич Т.А. Л.: Наука. 304 с.
- Назаренко А.А., 1971. Летняя орнитофауна высокогорного пояса Южного Сихотэ-Алиня // Экология и фауна птиц юга Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука. С. 99-126.